

В. Н. ЛЬВОВ

О переговорах с Керенским и Корниловым

12 августа сего года я приехал в Москву для участия в Государственном совещании и церковном соборе¹, в коих я заседал в обоих на правах их членов. Я остановился в гостинице «Националь», где я имею обыкновение всегда останавливаться.

16 или 17 августа заходит ко мне в номер Иван Александрович Добрынский², уполномоченный Красного Креста, который случайно остановился в той же гостинице. Добрынского я не видел несколько лет и знаком был с ним как с дельным чиновником Министерства земледелия, которому я хотел поручить исследование добычи нефти у себя в имении. Зайдя в мой номер, он сказал мне, что обращается ко мне как к единственному крупному общественному деятелю, которого он знает, ввиду затруднительного своего положения. Дело в том, что он вызван в Ставку, куда едет в первый раз, на какое-то политическое совещание, что он в политике плохо разбирается и просит сказать ему, что теперь в политике происходит. Причем он прибавлял, что в армии к Керенскому относятся отрицательно и поговаривают о диктатуре Корнилова³. Я счел своей обязанностью заступиться за Керенского и вместе с тем объяснить ему, что дело вовсе не в диктатуре, а в том, чтобы сохранить доброе согласие между Керенским как военным министром, Корниловым как верховным главнокомандующим и Савинковым как управляющим Военным министерством; что это доброе согласие необходимо для гармоничных распоряжений на фронте и в тылу. А что касается до организации Временного правительства, то, по моему мнению, необходима реконструкция его в смысле расширения базы его в виде привлечения представителей торгово-промышленного класса. Это даст большую устойчивость правительству, так как Московское со-

вещание показало, что без привлечения представителей широких общественных слоев общество слишком резко раскалывается на две половины. Добрынский уехал.

Через несколько дней, в то время как я оставался в Москве для занятий на соборе, появляется в моем номере снова Добрынский. Это было 20 августа вечером. Я попросил, ввиду позднего времени, зайти его на другой день. На другой день, 21 августа, он явился ко мне в номер и сказал мне, что он был в Ставке, где происходило секретное политическое совещание, на котором было намерение провозгласить Корнилова диктатором военной силой, намерение весьма определенное, но что он, Добрынский, удержал их от этого, говоря речь в том политическом духе, как воспринял его от меня, т. е. в защиту Керенского и реорганизации правительства на широких народных основах. Я был очень рад такому неожиданному результату моих слов и принял решение немедленно ехать в Петроград, предупредить Керенского о грозящей опасности, тем более, что, как выяснилось из слов Аладьина или Добрынского, не помню, что в случае какого-либо выступления большевиков правительство не может рассчитывать ниоткуда получить себе помощи. С Аладьиным⁴ меня в этот же день познакомил Добрынский, говоря, что он играет какую-то видную роль в Ставке. Я уехал в Петроград и 22 августа явился к Керенскому. Я изложил ему положение вещей, объяснил, что в случае нападения большевиков правительство беззащитно и для придачи ему силы необходимо пополнить его ряды представителями общественных групп, которые в нем не представлены, что это положение даст ему силу и устойчивость. Я убеждал его не отказываться от нащупывания почвы для переговоров, на что Керенский мне ответил, что для переговоров необходимы определенные требования и определенная программа, и не отклонил моего предложения посредничества для таких переговоров. С тем я и уехал назад в Москву.

Приехавши в Москву, я тотчас вызвал к себе в гостиницу моего брата Николая Николаевича Львова⁵ и предложил ему начать переговоры с московскими общественными силами для выяснения, на каких условиях они войдут в состав Временного правительства, а затем, по отъезде брата, ко мне в номер зашли Добрынский с Аладьиным, и я им сказал, что поездка моя увенчалась успехом, что Керенский согласен говорить о реконструкции кабинета, на что мне Аладьин ответил: «Ну, слава Богу, мы, кажется, избегли крови!» — И тут же написал на листе бумаги для памяти свои выводы из моих слов; это не были мои положения, но это были выводы

Аладьина с моих слов. Но в этот же день я узнал от Добрынского, что из Ставки получены им тревожные вести, что опять там взяло верх течение в пользу объявления военной диктатуры, и я решил немедленно же ехать в Ставку, чтобы по возможности парализовать это движение, так как представлял его себе довольно внушительным. В Ставку я выехал 23 августа вместе с Добрынским. В вагоне, где я ехал, находился и князь Григорий Николаевич Трубецкой⁶. Приехал в Ставку 24 августа; никакие автомобили нас не встречали, и я с Добрынским на извозчике отправился сперва к штабу, где Добрынский взял мне пропускной билет, а затем оттуда в гостиницу, где мне пришлось за неимением места остановиться в одном номере с есаулом Родионовым⁷. С ним познакомил меня Добрынский. С первых же слов своих Родионов меня сразил, говоря, что верховный главнокомандующий подписал Керенскому смертный приговор. Я в ужасе оцепенел и, желая узнать, отчего такое отношение к Керенскому, спросил Добрынского, могу ли быть откровенным с Родионовым, на что, получив утвердительный ответ, стал защищать Керенского и сказал при этом, что с согласия Керенского я хочу вступить в переговоры с Корниловым, для чего я в Ставку и приехал. Хотя Керенский и не уполномочивал меня специально с Корниловым вести переговоры, но я считал, что могу говорить от имени Керенского, так как в общем он согласен на реорганизацию власти. Родионов, узнав о моих дружеских чувствах по отношению к Керенскому, увидел, что попал впросак, и после, как мне уже Добрынский говорил, спрашивал его, не расскажу ли я все это Керенскому. Затем от Родионова (я) узнал, что Корнилов готовится провозгласить себя военным диктатором и что уже готов какой-то манифест, но что об этом никто даже из офицеров не знает, так как держат все в строжайшей тайне. Я пришел в остоленение и возразил ему, что если Корнилов провозгласит себя диктатором в Москве, то, быть может, на Кавказе еще кто-либо провозгласит себя диктатором, в Петрограде тоже объявится диктатор, еще где-нибудь — еще другой, и что из этого получится хаос. Я говорил, что Временное правительство есть единственное законное правительство, а все, о чем говорит Родионов, есть узурпация власти, весьма опасная всегда, а в военное время — преступная. Родионов, кажется, со всем этим согласился. Но все же на мою просьбу достать мне на завтра билет, чтобы ехать в Петроград, я получил почему-то отовсюду уклончивые ответы, из чего я понял, что меня хотят задержать. Такие же уклончивые ответы я получил и на мою просьбу, чтобы обо мне доложили Корнилову, так как я приехал специально, чтобы

его видеть. Тут же Добрынский мне сказал, что со времени его последней поездки в Ставку настроение в Ставке внезапно изменилось и стало весьма бурным. От всего этого я пришел в уныние, думая, что и Корнилова я не увижу, да и в Петроград я не попаду. Но внезапно, не знаю уже почему, Родионов говорит мне, что Корнилов меня примет сегодня же вечером, и я пошел к Корнилову. Это было 24 августа вечером.

Корнилову я сказал, что имею согласие Керенского узнать его требования, определенно и ясно изложенные. Я коснулся также вопроса о реорганизации власти на началах создания широкого народного кабинета. Зная от Добрынского, что Корнилов вполне в курсе всего, что происходит вокруг него в Ставке, я желал предотвратить возможность крупного вооруженного столкновения и найти пути примирения и выход из тупика; более всего я старался уладить, умиротворить. В ответ на все это Корнилов просил меня зайти к нему завтра в 10 утра. На мой вопрос, правда ли, что при восстании большевиков войска не поддержат правительство, Корнилов меня успокоил словами, что положение очень тяжелое, но до этого не дойдет; войска исполнят свой долг и поддержат правительство. Я вернулся домой и с иронией отметил Родионову, что тон Корнилова совершенно не соответствует его тону, что Корнилов меня успокоил.

Второе свидание мое с Корниловым произошло утром 25 августа. Меня встретил в приемной Завойко⁸ в солдатской рубашке и познакомился со мной. Я изумленно на него взглянул, потому что не знал, кто он и что он. Из кабинета Корнилова вышло несколько офицеров, и после того я был принят Корниловым. Начав разговор, Корнилов обрисовал сперва передо мною положение вещей: Рига взята, Румыния может быть всякую минуту отрезана, настроение в войсках мрачное, армия всюду ищет виновников своего позора, на фронте и в тылу — нестроения, взятие Риги сильно подействовало на мрачное состояние армии. Ко всему этому Корнилов добавил: «От 27 августа до 1 сентября ожидается выступление большевиков, план их заключается в свержении правительства, водворении себя на их место, заключении немедленно сепаратного мира, после заключения мира — объявление его по фронту для деморализации армии и в выдаче Балтийского флота Германии. Для предотвращения таковой опасности у правительства решительно нет никаких сил. В Петрограде в войсках полная неразбериха: одни войска стоят за большевиков, другие — за Совет, третьи — за правительство, четвертые — неизвестно за кого. При восстании большевиков

произойдет бурное столкновение всех этих сил, невероятная получится каша, в которой Временное правительство, без сомнения, провалится. Не подумайте, что я говорю для себя, — продолжал Корнилов, — но для спасения родины я не вижу другого выхода, как передача в руки верховного главнокомандующего всей военной и гражданской власти». Тут я заметил: — «И гражданской?», — на что Корнилов мне ответил: «Да, и гражданской власти. Впрочем, можно удовлетвориться совместительством власти верховного главнокомандующего и председателя Временного правительства. Комитеты должны существовать, но с хозяйственными функциями; тыл и фронт должны быть соединены. Кто будет назначен председателем Временного правительства — безразлично». Затем Корнилов добавил, что Керенскому он предлагает пост министра юстиции, а Савинкову — министра военного. Не ручаясь за их жизнь в других местах, он предлагает Керенскому и Савинкову, под личной своей ответственностью за их безопасность, приехать в Ставку. В это время Завойко вмешался в разговор и сказал, что Керенскому — портфель не министра юстиции, а заместителя министра-председателя. Тон Завойко при этом, не допуская возражений, импонировал Корнилову. Мне сделалось одновременно и жалко за Корнилова, и убедительно ясно, что секретарь держит верховного главнокомандующего в своих руках. Затем я с Корниловым расстался <...>.

